

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

УДК 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-82-94

Конституционная ориентированность судебной практики и ее направленность на эффективную реализацию прав человека

Волченко О.Ю.

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации,
Россия, 119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, 6А
E-mail: olegvolchenko@mail.ru.

Аннотация. Проблема конституционной ориентированности судебной практики и ее направленности на эффективную реализацию прав и свобод человека и гражданина является весьма значимой в современной российской науке конституционного права. При этом наблюдается ряд пробелов в ее исследовании. Автор ставил целью осуществление комплексного научного анализа конституционной ориентированности судебной практики, а также разработку рекомендаций по совершенствованию правового регулирования отношений в этой сфере. Автор доказывает, что судебная защита прав человека как конституционная функция правосудия предопределяет конституционную ориентированность судебной практики, ее направленность на полноценную реализацию общепризнанных прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от вида судопроизводства – гражданского, арбитражного, уголовного или административного, включая конституционное правосудие как наиболее приближенный вид государственной деятельности к цели защиты конституционных прав и свобод в правовой системе современной России. Исходя из конституционно предопределенной правозащитной функции, суды юридически обязаны избегать формального подхода к отправлению правосудия и шаблонности принимаемых решений, противопоставляя этому свободную, непредубежденную, независимую, беспристрастную и всестороннюю оценку комплекса доказанных участниками процесса обстоятельств.

Ключевые слова: правосудие, конституционализм, защита прав человека, правовая эффективность, разделение властей, гуманизм, справедливость

Для цитирования: Волченко О.Ю. 2023. Конституционная ориентированность судебной практики и ее направленность на реализацию прав человека. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(1): 82–94. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-82-94

Constitutional Orientation of Judicial Practice and Its Focus on the Effective Implementation of Human Rights

Oleg Yu. Volchenko

Russian Foreign Trade Academy (RFTA)
of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation,
6A Vorobyovskoe highway, Moscow 119285, Russian Federation
E-mail: olegvolchenko@mail.ru.

Abstract. The problem of the constitutional orientation of judicial practice and its focus on the effective implementation of the rights and freedoms of man and citizen is very significant in modern Russian science of constitutional law. However, there are a number of gaps in its research. The author's goal was

to carry out a comprehensive scientific analysis of the constitutional orientation of judicial practice, as well as to develop recommendations for improving the legal regulation of relations in this area. The author proves that the judicial protection of human rights as a constitutional function of justice predetermines, first of all, the constitutional orientation of judicial practice, its focus on the full implementation of universally recognized human and civil rights and freedoms, regardless of the type of legal proceedings. This refers to civil, arbitration, criminal or administrative proceedings, including constitutional justice as the closest type of state activity to the goal of protecting constitutional rights and freedoms in the legal system of modern Russia. Based on the constitutionally predetermined human rights function, the courts are legally obliged to avoid a formal approach to the administration of justice and stereotyped decisions, opposing to this a free, unprejudiced, independent, impartial and comprehensive assessment of the complex of circumstances proven by the participants in the process.

Keywords: justice, constitutionalism, protection of human rights, legal efficiency, separation of powers, humanism, justice

For citation: Volchenko O. Yu. 2023. Constitutional Orientation of Judicial Practice and Its Focus on the Effective Implementation of Human Rights. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(1): 82–94 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-82-94

Введение

Юридическая институционализация основных прав и свобод человека и гражданина как неотчуждаемых и естественных гарантий конституционного статуса личности в нашей стране, вне сомнения, состоялась и, на наш взгляд, не нуждается в каких-либо специальных научных доказательствах вследствие общепризнанности данного факта эмпирической действительности. Однако реализация этих прав, их обеспечение и защита нуждаются в совершенствовании и вообще не могут быть «идеальными» в силу ряда объективных причин [Ковлер, 2003, с. 237]. В частности, интересы граждан и их объединений не тождественны, они находятся как в единстве, так и в противоречии. То же самое можно сказать о соотношении публичных и частных потребностей и интересов субъектов конституционных правоотношений. Деятельность законодательных органов также не идеальна, зачастую она направлена не только на правомерное ограничение конституционных прав и свобод, но и на их противоправное нарушение.

Административный государственный и муниципальный аппарат наделен значительной публичной властью, которая не во всех случаях используется во благо полноценного функционирования системы конституционных прав и свобод человека и гражданина. Многие правоохранительные и правозащитные звенья государственного аппарата (прокуратура, следствие) и гражданского общества (адвокатура, нотариат) не всегда полноценно направляют свою деятельность на реализацию требований ст. 2 Конституции РФ о верховенстве прав и свобод человека и гражданина, не в полной мере учитывают их предопределяющее значение для правовой системы страны. Наконец, судебная власть и правосудие, основное конституционное предназначение которых состоит в максимально возможном (с точки зрения полноты и эффективности) обеспечении демократической законности и справедливого правопорядка в обществе, также не коррелируются однозначно с положениями ст. 2 Конституции РФ [Головкова, 2019, с. 353]. Все это, безусловно, актуализирует необходимость изучения в конституционно-правовой науке феномена судебной защиты прав и свобод человека и гражданина как конституционной функции правосудия [Богомолова, 2017, с. 445].

Конституционная роль правосудия в демократическом обществе

Понятие «правосудие» в современной юридической науке используется в различных смысловых значениях. В их числе, во всяком случае, следует различать естественно-правовую и позитивно-правовую концепции, каждая из которых имеет право на использо-

вание и применение [Рассказов, Упоров, 2000, с. 36]. С точки зрения естественного права, правосудие – это своего рода идеальная конституционно-правовая конструкция, которая предполагает наделение судебной деятельности главным образом положительными качествами, исходя из высокого конституционного предназначения власти судов (объективность, беспристрастность, независимость, связанность исключительно правом и справедливостью, употребление публичной власти во благо общества, граждан, их объединений и т.п.). В свою очередь, позитивное правосознание диктует более прагматичную модель определения признаков понятия правосудия – это официальное наименование законной деятельности судебных инстанций, какими бы целями они ни руководствовались и какие бы результаты это ни имело бы в результате функционирования судебной власти. С точки зрения позитивного права, любое судебное разбирательство и окончательное решение суда представляют собой «отправление правосудия», т. е. реализацию судебной власти в соответствии с Конституцией РФ и законодательством. Для признания наличия правосудия в позитивно-правовом смысле достаточно, чтобы оно осуществлялось в соответствии с нормативно-правовыми актами, было законным и обоснованным, не выходило за рамки дозволенного с точки зрения предписаний положительного права.

При кажущейся тождественности или, напротив, при мнимом противопоставлении указанных конституционно-правовых категорий следует видеть их общие и отличительные черты. Так называемое «шаблонное» правосудие [Губаева, 2017; Муравьев, 2019; Фагманова, 2019] или «сугубо формальный подход» к правосудию [Голубов, 2013; Нарутто, 2014] есть недопустимое явление с точки зрения естественного права, но подобная практика в позитивно-правовом аспекте считается зачастую весьма допустимой, поскольку она более строго следует воле законодателя и не позволяет судам пользоваться слишком широкой конституционной дискрецией. В свою очередь, неконтролируемое судебное усмотрение ограничивает законодателя в его легитимной публичной власти, поскольку именно парламент как избираемый суверенным народом орган обладает правом на подлинное выражение народной воли. Таким правом суды сами по себе не пользуются.

Ни естественно-правовую, ни позитивно-правовую концепции не следует, на наш взгляд, считать безусловными «истинами» в конституционной юриспруденции. Тем более недопустимо, с нашей точки зрения, трактовать позитивное правопонимание как некую вульгарную или оторванную от принципов правового государства идейно-нравственную парадигму. Требования законности и обоснованности судебных решений (в отличие от их справедливости как своего рода надзаконодательной максимы) характеризуют именно позитивную концепцию государства и права, что является допустимым в демократическом обществе и правовом государстве. Выбор между естественно-правовым и позитивно-правовым пониманием государственно-правовых явлений и процессов – это скорее теоретико-методологическая проблема, требующая внимания в юридической науке, чем вопрос текущей законодательной и правоприменительной практики.

При этом следует учитывать, что даже при самом подробном законодательном регулировании общественных отношений и стремлении законодателя к своего рода инструктивно-моделирующему методу регламентации общественных отношений суды все равно обладают достаточной юридической дискрецией, поскольку они вправе на законных основаниях, но по своему усмотрению оценивать доказательства тяжущихся сторон и придавать им правоустанавливающий смысл, исходя из обстоятельств конкретного юридического дела. В судебной деятельности предопределяющее значение, в конечном итоге, имеют внутреннее правосознание судей и их реальное юридическое мировоззрение, т.е. интерпретация дозволенного и запрещенного, допустимого и противоправного, истинного и ложного. Закон здесь неизбежно выполняет довольно абстрактные функции, в то время как действительное противоборство тяжущихся сторон разворачивается в сфере доказывания соответствующих юридических фактов, которые суд может принять как

установленные либо, напротив, отвергнуть в качестве недостоверно выясненных обстоятельств рассматриваемого дела.

Разграничение судебной юрисдикции в государственной правозащитной деятельности

Анализируя ход и результаты конституционных реформ в России конца XX – начала XXI вв., Л.Б. Ескина приходит к выводу о наличии «общего вектора», смысл которого – «переход от "формально-имитационного" (мнимого) конституционализма к реальному конституционному строю» [Конституционное..., 2017, с. 91]. С точки зрения института судебной защиты прав человека, чрезвычайно важное значение в СССР и затем в России имело учреждение сначала Комитета конституционного надзора СССР, позднее – Конституционного Суда РФ, что представляло собой появление специального юридически гарантирующего института подлинной реализации конституционных прав и свобод.

Суды общей и арбитражной юрисдикции, конечно, могут в своей практике непосредственно применять нормы гл. 2 Конституции РФ, но осуществлять им это весьма сложно ввиду наличия комплекса других источников материального и процессуального права (в уголовном процессе – УК РФ и УПК РФ, в гражданском процессе – ГК РФ и ГПК РФ, в арбитражном процессе – ГК РФ и АПК РФ и т. д.), которые формально *развивают* конституционные положения, но в действительности *подменяют* их, подвергая сомнению фундаментальный принцип *прямого действия Конституции РФ*. «Преломить» (по терминологии В.Д. Зорькина) данную тенденцию способно было лишь специализированное конституционное судопроизводство (в данном случае не важно, осуществляется ли оно организационно обособленным конституционным судом либо вменяется в обязанность верховному суду государства). В постсоветской России это исторически состоялось вследствие учреждения и последующей деятельности Комитета конституционного надзора СССР, Конституционного Суда РФ.

Сказанное, однако, не означает, что судебная защита конституционных прав и свобод человека и гражданина – это исключительная прерогатива конституционного правосудия. Такое истолкование ч. 1 ст. 46 Конституции РФ («каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод») входило бы в противоречие с положениями ст. 18 Конституции РФ («права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием»), а также с развивающими положениями частей 2 и 3 той же ст. 46 Конституции РФ (право обжаловать в суде решения, действия и бездействие органов публичной власти, право обращаться в межгосударственные правозащитные органы при исчерпанности внутригосударственных средств правовой защиты). Очевидно, что решения, действия и бездействие органов публичной власти обжалуются не только в конституционно-судебной, но и в административно-судебной, арбитражно-судебной процедурах, а межгосударственные правозащитные органы к категории национальных судебных органов конституционного контроля не относятся.

Как подчеркнул С.М. Шахрай, «профессиональная специализация ветвей судопроизводства» (конституционного, общего, арбитражного) явилась следствием Концепции судебной реформы в РСФСР, которая была разработана комитетом по законодательству Верховного Совета РСФСР в 1991 году. В 1992–1993 гг. при разработке проекта действующей Конституции обсуждались другие подходы, в том числе «предлагалось создать единый Верховный Суд Российской Федерации с единой подсудностью и юрисдикцией, а уже в его рамках выделить судопроизводство по гражданским и уголовным делам, конституционным и имущественным спорам» по аналогии с деятельностью Верховного Суда США [Шахрай, 2013, с. 230].

В дальнейшем вследствие конституционных поправок Высший Арбитражный Суд РФ был упразднен и его функции переданы Верховному Суду РФ, однако Конституционный Суд РФ сохранил свои позиции в качестве самостоятельного судебного органа конституционного контроля. Несмотря на эти конституционные пертурбации, ключевая идея *подведомственности всем без исключения судам правозащитной функции*, безусловно, сохраняла свое действие. Вопрос актуализировался лишь в плоскости проблемы, *насколько имеющиеся виды судебных процессов в России оказываются приспособленными к реализации правозащитной функции*, т. е. к воплощению в жизнь предписаний ст. 2 Конституции РФ.

Защита прав человека как цель функционирования судебной системы и задача отправления правосудия

Функцию защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина следует трактовать, как минимум, в двух юридико-содержательных смыслах: как полномочие конкретных судов и конституционную цель функционирования всей судебной системы, правосудия как такового. Изучая специальную литературу, мы многократно убеждаемся в том, что данные смысловые значения часто используются авторами отдельно или даже взаимно переплетаются. Например, Л.Г. Балаян отмечает, что «так уж сложилось в нашей стране, что почти всегда потерпевшая сторона ищет помощи у государства», надеясь на «проявление справедливости и скорейшее разрешение своей проблемы» [Балаян, 2005, с. 129]. В данном случае речь идет главным образом о защите прав человека как о полномочии конкретных судов: гражданин сталкивается с проблемой, обращается за помощью к адвокату или пытается подготовиться к судебному разбирательству самостоятельно, направляет официальные документы в суд, доказывает в судебном процессе свидетельствующие в его пользу обстоятельства и рассчитывает на положительное решение судебных инстанций. В уголовном процессе как особой форме защиты конституционных прав и свобод потерпевших возможностей такого рода у них меньше (инициатива принадлежит главным образом органам прокуратуры и следствия), однако данные возможности все равно имеют место, причем Конституционный Суд РФ многократно поддерживал конституционную необходимость более широкой защиты уголовно-процессуальных прав потерпевших от преступлений. Так или иначе правозащитная функция судов здесь трактуется в сравнительно узком смысловом значении: есть конкретный правообладатель, его права и законные интересы нарушены, суд устанавливает факт правонарушения и принимает меры к восстановлению нарушенных прав, после чего нарушенное право считается восстановленным, а право – защищенным (насколько это позволяет инструментарий конституционного, административного, гражданского, арбитражного или уголовного судопроизводства, а также соответствующие нормы материального права).

Несколько иную трактовку приобретает правозащитная функция правосудия в более широком аспекте, когда речь идет о судебной системе в целом. Если правосудие действительно независимо от законодательных и исполнительных органов власти, то при прочих равных условиях оно полнее и эффективнее защищает права и свободы человека и гражданина, чем это наблюдалось бы в условиях административной зависимости судей от воли депутатов, государственных должностных лиц и государственных гражданских служащих аппаратов соответствующих органов. Независимость правосудия требует институциональных конституционных гарантий, в числе которых – судебный иммунитет, индемнитет, особые формы назначения судей на должности и освобождения их от должностей. В современной России по сравнению с опытом СССР были предприняты многие важные шаги к обеспечению независимости судей и судебной системы, однако ряд проблем остается нерешенным (например, основания для досрочного прекращения полномочий судей нуждаются в более точном законодательном регулировании; суды первых инстанций при установлении фактических обстоятельств дела нуждаются

в более широкой юридической дискреции, освобождении из-под чрезмерного контроля вышестоящих судебных инстанций и др.).

Судебная защита прав человека как конституционная функция правосудия предопределяет прежде всего *конституционную ориентированность* судебной практики, ее *направленность на полноценную реализацию* общепризнанных прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от вида судопроизводства – гражданского, арбитражного, уголовного или административного, включая конституционное правосудие как наиболее приближенный вид государственной деятельности к цели защиты конституционных прав и свобод в правовой системе современной России [Невинский, 2012, с. 99]. Исходя из конституционно предопределенной правозащитной функции, суды юридически обязаны избегать формального подхода к отправлению правосудия и шаблонности принимаемых решений, противопоставляя этому свободную, непредубежденную, независимую, беспристрастную и всестороннюю оценку комплекса доказанных участниками процесса обстоятельств, которые имеют отношение к делу и предопределяют тем самым последующую юридическую квалификацию досудебного поведения тяжущихся сторон.

В историческом генезисе правозащитная функция правосудия приобрела всеобщее признание вследствие международно-правовой институционализации прав и свобод человека и гражданина, а также повсеместной внутригосударственной практики конституционного регулирования и обеспечения конституционно-правового статуса человека и гражданина. Права человека с течением времени стали интерпретироваться не как абстрактные юридические принципы и отвлеченные правовые установления, но совокупность конкретных правомочий, принадлежащих юридически определенным субъектам конституционных правоотношений и сопровождающихся корреспондирующими этому юридическими обязанностями других лиц, что может быть проверено, установлено и тем самым защищено независимым и беспристрастным правосудием [Анисимов, Рулев, 2010, с. 54].

Судебная форма защиты прав человека и гражданина не исключает наличия альтернативных способов правозащитной деятельности государства и гражданского общества [Матейкович, Романчук, 2020], а также юридических возможностей самостоятельной защиты правообладателями принадлежащих им правомочий, если это не нарушает требований конституции демократического государства и развивающих конституционные положения законодательных норм.

Судебная форма правозащитной деятельности имеет ряд объективно присущих ей достоинств и преимуществ, что позволяет квалифицировать ее в качестве *основного конституционного способа обеспечения и реализации прав и свобод человека и гражданина* вне зависимости от их вида, «поколения» прав человека и других дифференцирующих правозащитный механизм обстоятельств. Правосудие имеет достаточный потенциал для эффективной защиты не только личных (гражданских) и политических прав, но также социально-экономического статуса личности и реализации прав человека последующих «поколений» (четвертого, пятого и др.) при условии, что данные социальные установления приобретают юридический характер и признаются государствами, мировым сообществом и их правовыми системами в качестве обязательных для судов позитивно-правовых императивов.

Конституционное право на судебную защиту является общепризнанным в международном праве и, своего рода, «стандартом» демократического порядка. В России на постсоветском пространстве длительное время просматривался такой приоритет в государственно-правовой политике, как признание общемировых ценностей, стремление стать частью международного сообщества, играть существенную и партнерскую роль в отношениях с зарубежными странами. В связи с этим в конституционно-правовой науке своевременно ставились проблемы соотношения международного и национального конституционного права. Так, И.А. Конюхова-Умнова подчеркивает необходимость «внедрения международно-правовых норм на национальный уровень», для чего необходимы «импле-

ментация», «автоматическая адаптация», «обеспечение взаимосвязи» и «разумной унификации», «универсализация большинства правовых принципов» [Конюхова, 2006, с. 29].

Полагаем, что в аспекте доступа граждан к правосудию и обеспечения эффективности судебной защиты прав граждан актуальность данной позиции, вне сомнения, сохраняется, несмотря на смену ряда приоритетов в государственной политике, направленных на обеспечение национальной идентичности, патриотизма, отечественных интересов [Астафичев, Астафичева, 2022, с. 109] и т.п. Россияне по-прежнему нуждаются в эффективной судебной защите своих прав, что может подтверждаться или не подтверждаться зарубежной практикой, однако объективно необходимо современному *российскому* обществу. Изменение приоритетов в государственно-правовой политике не должно влиять на полноту судебной защиты прав граждан, включая необоснованное расширение правомочий прокуратуры, следствия или органов исполнительной власти [Трифонов, 2022, с. 62]. Национальные особенности страны и ее политический менталитет не могут служить достаточным основанием для необоснованного ограничения конституционных правомочий судебной власти, поскольку иначе будут поставлены под сомнение права и свободы россиян, ради охраны которых правовая система страны, главным образом, и существует.

Смысл конституционного принципа разделения властей заключается не только в обособлении ветвей власти, но также в их взаимном сдерживании от произвола и несанкционированного вмешательства в жизнедеятельность гражданского общества [Чепунов, Болдырева, 2021, с. 170]. Судьи связаны законом, который принимать и править они не уполномочены. Тем самым граждане становятся дополнительно защищенными от излишне свободного усмотрения судей, а действия государства – более предсказуемыми. С другой стороны, правосудие вправе и должно руководствоваться общеправовыми принципами и стремиться к справедливости, даже если закон проявляет свойство дефектности или имеет пробелы в регулировании. Тем самым законодательная и судебная ветви власти взаимно сдерживают и уравнивают друг друга, причем ни одна из указанных ветвей не вправе считать себя находящейся в каком-то особом, привилегированном положении. Ветви власти конституционно равноправны и равностатусны при разграниченности их компетенции и направленности на дифференцированные сферы конституционно одобряемой государственной деятельности.

Связь между принципами конституционно-правового регулирования и приоритетами в государственно-правовой политике

С.А. Глотов считает, что «вытекающие из Конституции страны» принципы являются «производными от модели социального прогресса». Вариативность моделей социального прогресса, по мнению данного ученого, связывает конституционного законодателя в выборе соответствующих принципов. Последние, с точки зрения цитируемого автора, неизбежно «опираются на приоритеты» [Глотов, 2007, с. 13]. Г.Н. Носкова полагает право на судебную защиту «универсальным юридическим средством утверждения режима соблюдения законности и правопорядка», т.е. в значительной степени не зависящим от приоритетов текущей государственно-правовой политики [Носкова, 2008]. По мнению В.Г. Стрекозова, обеспечение прав и свобод человека и гражданина может быть «реальным» *только* «в условиях демократического государства» [Стрекозов, 2002, с. 41]. Следовательно, антидемократические приоритеты государственной политики либо ослабление демократических тенденций с неизбежностью приводят к ограничениям или даже нарушениям прав человека, поскольку судебная власть оказывается фактически неспособной к подлинной и эффективной защите прав своих сограждан.

Каталог принципов судебной защиты прав человека до конца не исследован и окончательно не систематизирован.

Важный вклад в этот процесс внес Конституционный Суд РФ, формулируя такие принципы судебной защиты прав человека, как «универсальность принципов верховенства права, гуманизма, справедливости и равенства»⁷¹, «эффективность восстановления в правах»⁷², «правосудность как законность, обоснованность и справедливость»⁷³, «соразмерность»⁷⁴, «рациональная организация деятельности правоприменителя»⁷⁵, «перенос основного бремени пересмотра решений судов на ординарные судебные инстанции»⁷⁶, «социальная детерминация»⁷⁷, «соблюдение критерия существенности при оценочных характеристиках»⁷⁸, императивы о том, что «никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы и подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами»⁷⁹, «правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах»⁸⁰, «недопустимость формального подхода к отправлению правосудия»⁸¹

⁷¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной» // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1367.

⁷² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

⁷³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2022 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности пунктов 11 и 12 части 1 статьи 79 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Ф.» // ksrf.ru (lfnf j,hfotybz 11.08.2022).

⁷⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

⁷⁵ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа» // СЗ РФ. 2005. № 30. Ст. 3200.

⁷⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. Октябрьской революции», открытого акционерного общества «Центрнефтехимремстрой», гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области» // СЗ РФ. 2005. № 48. Ст. 5123.

⁷⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 мая 2006 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы» // СЗ РФ. 2006. № 22. Ст. 2375.

⁷⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2007 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа» // СЗ РФ. 2007. № 14. Ст. 1741.

⁷⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олдохэма» // СЗ РФ. 2017. № 31. Ст. 4984.

⁸⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-

и др. В связи этим П.А. Астафичев усматривает «достоинство института конституционного контроля» парламентских актов в «ранжировании конституционных ценностей», что достигается «благодаря принципу устойчивости правовых позиций» Конституционного Суда РФ [Астафичев, 2005, с. 91].

Правосудие прежде всего должно быть *доступным*. Данный конституционный императив применительно к механизму судебной защиты прав и свобод человека и гражданина имеет следующее публично-правовое содержание. Если права человека признаются Конституцией, но суды не являются доступными для граждан и других правообладателей, то конституционный институт прав и свобод превращается в декларацию или даже фикцию вместо того, чтобы быть правовой реальностью. Под доступностью следует понимать, во-первых, *развернутую сеть судебных инстанций*, позволяющую избежать длительного ожидания в очереди и отказа (ограничения) в правосудии по мотиву перегруженности судов; во-вторых, гарантированную законом *возможность обращения заявителей* в суды при наличии любого *правонарушения* (нет такого правонарушения, которое нельзя было бы оспорить в соответствующем суде согласно правилам подведомственности и подсудности юридических дел); в-третьих, обеспеченную правом возможность граждан *быть выслушанными в суде* (изложить свою позицию, представить свои доказательства и опровергнуть позицию и доказательства процессуального оппонента). Все это касается именно «доступности» правосудия и не затрагивает другой системообразующий принцип судебной защиты прав человека – «эффективности восстановления в нарушенных правах».

В отличие от конституционного принципа доступности правосудия, принцип *эффективного восстановления в правах* характеризует другую важную сферу государственно-правовой системы: насколько суды вообще способны выполнить правозащитную функцию? Суды могут быть доступными, но неэффективными или недостаточно эффективными с правозащитной точки зрения. Если судья выслушивает мнение сторон, дает возможность представить доказательства, а затем откровенно игнорирует их и выносит заранее предустановленное «сверху» решение – налицо соблюдение принципа доступности и, одновременно с этим, нарушение принципа эффективного восстановления в правах. Правосудие должно быть независимым, беспристрастным и не предубежденным, главным образом, для того чтобы нарушение прав эффективно пресекалось государством и правом. Это не обязательно предполагает «активную» роль суда. Важно, чтобы закон применялся к сторонам на равных основаниях и все представленные по делу доказательства действительно беспристрастно оценивались судебным составом или судьей.

В связи с этим важна постановка проблемы *формального подхода к отправлению правосудия* в ординарных судебных инстанциях. Формальный подход – это, на наш взгляд, основная форма нарушения конституционного принципа эффективного восстановления в правах, что многократно обнаруживалось в практике Конституционного Суда РФ и продолжает себя проявлять. Суды во многом не ощущают себя частью конституционного правозащитного механизма, предпочитая применять «закон» вместо того, чтобы реализовывать требования «Конституции РФ и закона». Этому, зачастую, способствует и законодатель, перенасыщая нормативно-правовое регулирование излишними административными требованиями, а также снабжая его неконкретными, расплывчатыми и неясными правовыми нормами. Вследствие такой практики исполнительная власть якобы ста-

процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

⁸¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2021 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 46, частей 1 и 3 статьи 62, части 4 статьи 240 и части 1 статьи 308 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.В. Тухты» // СЗ РФ. 2021. № 5. 956.

новится обладателем фактических прерогатив публичного управления, в то время как суды должны всякий раз «оправдывать» меняющуюся по усмотрению чиновников методологию государственного или муниципального администрирования. Это и есть, по нашему мнению, «формальный подход» к отправлению правосудия (т.е. когда суды *массово и системно поддерживают складывающуюся в исполнительно-распорядительной деятельности практику несмотря на ее противоречие Конституции РФ и закону, доказанное в судебном процессе*).

Заключение

Судебная защита прав и свобод человека и гражданина в целом основывается на конституционных принципах всеобщности, равенства, законности, независимости, беспристрастности, объективности, непредубежденности, старательности, добросовестности и т.д. Данные принципы имеют общеправовой характер и затрагивают сферу скорее публичной организации правосудия, чем более частную область судебной защиты прав человека. В связи с этим полагаем, что применительно к механизму судебной защиты прав и свобод человека и гражданина нуждаются в институциональном обособлении два ключевых конституционных принципа – доступности правосудия и эффективного восстановления в правах. В долгосрочной перспективе данные принципы, на наш взгляд, должны найти выражение на конституционном уровне и не могут ограничиваться фиксацией лишь в процессуальных кодексах (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, УПК РФ).

Доступность правосудия гарантируется развернутой сетью судебных инстанций, отсутствием ненадлежащих правоограничений для реализации права на обращение в суд, процессуальным правом сторон быть выслушанными в судах, включая возможность представить свои доказательства и опровергнуть доказательства процессуального оппонента. Эффективность восстановления в правах исключает формальный подход к правосудию и гарантирует связанность судей, прежде всего, правом (которое выражается в законе, но не только в законе, но и в других источниках права). Чтобы правообладатели имели действительную возможность эффективного восстановления в правах, правосудие должно соответствовать конституционным принципам всеобщности, равенства, законности, независимости, беспристрастности, объективности, непредубежденности, старательности и добросовестности. Конституционные принципы судебной защиты прав человека и организации судебной власти находятся в системном единстве, взаимно дополняют друг друга и способствуют достижению общей цели соблюдения конституционного принципа справедливости.

Список литературы

- Анисимов П.В., Рулев А.И. 2010. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека (проблемы теории и практики). Волгоград: ВА МВД России, 194 с.
- Астафичев П.А. 2005. Судебный конституционный контроль народного представительства: опыт и перспективы. Государство, право и управление. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. М.: ГУУ.
- Астафичев П.А., Астафичева Е.Ю. 2022. Принципы и нормы международного права в развитии политической системы современной России. Среднерусский вестник общественных наук, 3: 109-122.
- Балаян Л.Г. 2005. Альтернатива государственному правосудию в сфере экономики. Бизнес в законе: 1: 129-135.
- Богомолова А.С. 2017. Право на судебную защиту как гарантия реализации прав человека и его место в системе конституционных прав. Аллея науки, 5: 445-448.
- Глотов С.А. 2007. Социальная политика и социальная безопасность: конституционно-правовые аспекты взаимодействия и реализации. М.: Инженер, 429 с.
- Головкова А.Ю. 2019. Доступность и эффективность механизмов судебной защиты конституционных прав и свобод человека как показателей верховенства права. Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право, 3 (19): 335-343.

- Голубов И.И. 2013. О противоречиях в понимании термина «правосудие» в юридической науке. Юридическое образование и наука, 3: 29-34.
- Губаева Т.В. 2017. Шаблон профессионального мышления судьи: польза или вред? Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, 13: 8-14.
- Ковлер А.И. 2003. Европейский Суд по правам человека как средство судебной защиты прав коренных народов. Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., Стратегия: 24-52.
- Конституционное право России. 2017. СПб.: СЗИУ, 766 с.
- Конституционно-судебная защиты прав и свобод личности: состояние, проблемы, перспективы: сб. науч. ст. АлтГУ, Ассоц. юристов России, Центр правотворчества, экспертизы и мониторинга законодательства 2012. Под ред. В.В. Невинского, А.В. Молотова. Барнаул, Изд-во АлтГУ: 128 с.
- Конюхова И.А. 2006. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М.: Формула права. 493 с.
- Матейкович М.С., Романчук И.С. 2020. Уполномоченные по правам человека в механизме судебной защиты прав и свобод. Журнал российского права, 11: 45-57.
- Муравьев И.А. 2019. Конституционализм и просвещение. Евразийский юридический журнал, 11: 96-102.
- Нарутто С.В. 2014. Место Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов государственной власти. Актуальные проблемы российского права, 6: 1096-1107.
- Носкова Г.Н. 2008. Судебная защита как средство обеспечения власти народа России. Конституционное развитие России. Саратов: СГАП: 101.
- Рассказов Л.П., Упоров И.В. 2000. Естественное и позитивное право в контексте общественного развития. Философия права, 1: 36-42.
- Стрекозов В.Г. 2002. Конституционное право России. М.: Спарк, 260 с.
- Трифонов С.Г. 2022. Гарантии реализации конституционного права человека и гражданина на судебную защиту. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки, 1: 62-71.
- Фагманова Э.И. 2019. Подходы к пониманию категории «единообразия судебной практики». Арбитражный и гражданский процесс, 12: 28-32.
- Чепунов О.И., Болдырева Е.В. К вопросу о конституционно-правовом совершенствовании публичной власти. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (1): 170-178.
- Шахрай С.М. 2013. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М.: Наука, 917 с.

References

- Anisimov P.V., Rulev A.I. 2010. Sudebnoe tolkovanie prava v mexanizme zashhity` prav i svobod cheloveka (problemy` teorii i praktiki) [Judicial interpretation of law in the mechanism of protection of human rights and freedoms (problems of theory and practice)]. Volgograd, Publ. VA MVD Rossii, 194 p.
- Astafichev P.A. 2005. Sudebny`j konstitucionny`j kontrol` narodnogo predstavitel`stva: opy`t i perspektivy` [Judicial constitutional control of the People's representation: experience and prospects. State, law and governance]. State, law and governance. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. M., GUU.
- Astafichev P.A., Astaficheva E.Yu. 2022. Principy` i normy` mezhdunarodnogo prava v razvitiit politicheskoy sistemy` sovremennoj Rossii [Principles and norms of international law in the development of the political system of modern Russia]. Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk, 3: 109-122.
- Balayan L.G. 2005. Al`ternativa gosudarstvennomu pravosudiyu v sfere e`konomiki [An alternative to state justice in the economic sphere]. Biznes v zakone: 1: 129-135.
- Bogomolova A.S. 2017. Pravo na sudebnuyu zashhиту kak garantiya realizacii prav cheloveka i ego mesto v sisteme konstitucionny`x prav [The right to judicial protection as a guarantee of the realization of human rights and its place in the system of constitutional rights]. Alleya nauki, 5: 445-448.

- Glotov S.A. 2007. Social'naya politika i social'naya bezopasnost': konstitucionno-pravovy'e aspekty' vzaimodejstviya i realizacii [Social policy and social security: constitutional and legal aspects of interaction and implementation]. M., Publ. Inzhener, 429 p.
- Golovkova A.Yu. 2019. Dostupnost' i e'ffektivnost' mexanizmov sudebnoj zashhity' konstitucionny'x prav i svobod cheloveka kak pokazatelej verxovenstva prava [Accessibility and effectiveness of mechanisms of judicial protection of constitutional human rights and freedoms as indicators of the rule of law]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: E'konomika. Upravlenie. Pravo, 3(19): 335-343.
- Golubov I.I. 2013. O protivorechiyax v ponimanii termina «pravosudie» v yuridicheskoy nauke [About the contradictions in the understanding of the term "justice" in legal science]. Yuridicheskoe obrazovanie i nauka, 3: 29-34.
- Gubaeva T.V. 2017. Shablon professional'nogo my'shleniya sud'i: pol'za ili vred? [The pattern of professional thinking of a judge: benefit or harm?] Ucheny'e zapiski Kazanskogo filiala Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya, 13: 8-14.
- Kovler A.I. 2003. Evropejskij Sud po pravam cheloveka kak sredstvo sudebnoj zashhity' prav korenny'x narodov. Olen' vseгда prav. Issledovaniya po yuridicheskoy antropologii [The European Court of Human Rights as a means of judicial protection of the rights of indigenous peoples]. M., Publ. Strategiya: 24-52.
- Konstitucionnoe pravo Rossii [Constitutional law of Russia]. 2017. SPb., Publ. SZIU, 766 p.
- Konstitucionno-sudebnaya zashhity' prav i svobod lichnosti: sostoyanie, problemy', perspektivy. AltGU, Assoc. yuristov Rossii, Centr pravotvorchestva, e'kspertizy' i monitoringa zakonodatel'stva [Constitutional and judicial protection of individual rights and freedoms: state, problems, prospects: collection of scientific articles AltSU, Assoc. Lawyers of Russia, Center for Lawmaking, Expertise and Monitoring of Legislation]. 2012. Ed. V.V. Nevinskogo, A.V. Molotova. Barnaul, Publ. AltGU: 128 p. (in Russian)/
- Konyuxova I.A. 2006. Mezhdunarodnoe i konstitucionnoe pravo: teoriya i praktika vzaimodejstviya [International and constitutional law: theory and practice of interaction]. M., Publ. Formula prava. 493 p.
- Matejkovich M.S., Romanchuk I.S. 2020. Upolnomochenny'e po pravam cheloveka v mexanizme sudebnoj zashhity' prav i svobod [Human rights commissioners in the mechanism of judicial protection of rights and freedoms]. Zhurnal rossijskogo prava, 11: 45-57.
- Murav'ev I.A. 2019. Konstitucionalizm i prosveshhenie [Constitutionalism and enlightenment]. Evrazijskij yuridicheskij zhurnal, 11: 96-102.
- Narutto S.V. 2014. Mesto Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii v sisteme organov gosudarstvennoj vlasti [The place of the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of state authorities]. Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava, 6: 1096-1107.
- Noskova G.N. 2008. Sudebnaya zashhita kak sredstvo obespecheniya vlasti naroda Rossii [Judicial protection as a means of ensuring the power of the people of Russia]. Konstitucionnoe razvitie Rossii. Saratov, Publ. SGAP: 101.
- Rasskazov L.P., Uporov I.V. 2000. Estestvennoe i pozitivnoe pravo v kontekste obshhestvennogo razvitiya [Natural and positive law in the context of social development]. Filosofiya prava, 1: 36-42.
- Strekozov V.G. 2002. Konstitucionnoe pravo Rossii [Constitutional Law of Russia]. M., Publ. Spark, 260 p. (in Russian)
- Trifonov S.G. 2022. Garantii realizacii konstitucionnogo prava cheloveka i grazhdanina na sudebnuyu zashhitu [Guarantees of the realization of the constitutional right of a person and citizen to judicial protection]. Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki, 1: 62-71.
- Fagmanova E.I. 2019. Podxody' k ponimaniyu kategorii «edinoobrazie sudebnoj praktiki» [Approaches to understanding the category "uniformity of judicial practice"]. Arbitrazhny'j i grazhdanskij process, 12: 28-32.
- Chepunov O.I., Boldy'reva E.V. K voprosu o konstitucionno-pravovom sovershenstvovanii publichnoj vlasti [On the issue of constitutional and legal improvement of public power]. NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo, 46(1): 170-178.

Shaxraj S.M. 2013. О Конституції: Основной закон как instrument pravovuy`x i social`no-politicheskix preobrazovanij [About the Constitution: The Basic Law as an instrument of legal and socio-political transformations]. М., Publ. Nauka, 917 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.10.2022

Поступила после рецензирования 31.10.2022

Принята к публикации 07.11.2022

Received October 11, 2022

Revised October 31, 2022

Accepted November 07, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Волченко Олег Юльевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия

Oleg Yu. Volchenko, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia